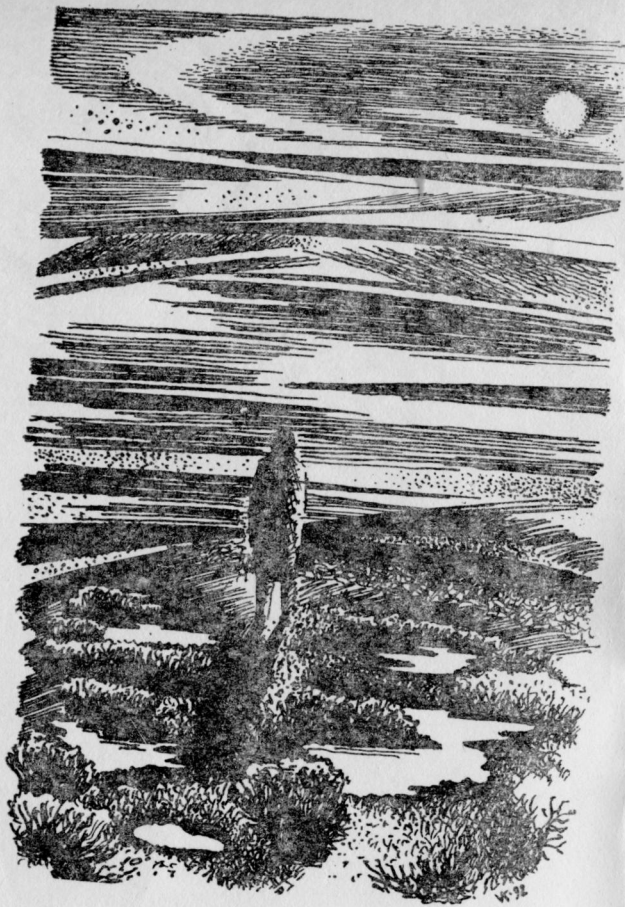

СТ P2 K
K56

Валерий КОВШОВ

Оглянись
вперед

стихотворения

Р2
СГ К 56 К

Валерий
КОВШОВ

ОГЛЯНИСЬ
ВПЕРЕД

Стихотворения

Кемерово
Издательство «Кузнецкая крепость»
1992

* * *

Здесь, где любви и тепла колыбель,
где обживаю пространство и время,
бросив под ноги соломы беремья,
сооружу для ночлега постель.

Ночь хороша, если воздух звенит,
перепел в поле мгновенья считает,
плотный туман вдруг редеет и тает,
освобождая свет вещих планид...

Вещих — не вещих,
но, если любить
жизнь не придется любовью иною,
хватит того, что бывало со мною
здесь, в этом мире, где все может быть.

* * *

Когда в душе глубокий беспорядок,
земная твердь опасней звездных сфер.
Как формулы с эйнштейновских тетрадок,
растут столбцы компьютерных химер.

Наверно, жизнь устала от проверок
на простоту и ясность,
а при ней
привычный атмосферный воздух мерзок,
и неприятней вкус текущих дней.

Но у предела темных размышлений
на острие космических судеб
спасительное слово скажет гений —
народ, что инстинктивно видит свет...

ОТСУТСТВИЕ

Страшат грядущие скрижали
утробным благом наших дней,
где мы без меры нарожали
самоубийственных идей.

Отринь разумное от страха,
и станет жизнь пустой дырой,
где мысль с компьютерным размахом
безумной тешилась игрой...

И ляжет слой культурной пыли
(Какой идее на помин?)
на мегаполисы утиля
в траву забвения — полынь.

* * *

Благословенна мысль. Недаром
почти родным небесным жаром
объемлет разум... Жизнь молчит,
существование влачит.

Раздвоено существованье:
одно — из мрака упованье
на опыта цветущий след,
другое — сокровенный свет.

И мнится: в свете несиянном
сокрыт завет о мире званом,
где жизнь в единственном лице
благословенна, как в Творце.

* * *

Мистика — не освящение хлеба
в русской печи, где живёт домовой,
мистика — обожествление неба
с воплем сирен в черноте дымовой.

Я не молюсь по ночам кинескопу
и пирамидам бетонных пещер,
где электронные идола скопом
мучают сердце божественных сфер.

Милая тварь в травяной парусине,
славная бабушка, баба-яга,
вспомни о внуке, как будто о сыне,
и пострадай, как в былые века.

Чтоб не мутил серебристую влагу,
не куролесил в дремучих лесах,
поворотился к древнейшему благу —
был человеком на совесть и страх...

* * *

Среди сценических затей,
сопутствующих им занятий,
я — враг надуманных страстей
и выпренных самораспятий.

Живого светлого ума
взыскуют искренние чувства,
когда культмассовая тьма
венчает поиски искусства,

когда похвальные мужи
годами медленно, но верно
копили яд искусной лжи,
чтоб души вытравить мгновенно.

* * *

Я подумал о тех, кто, смеясь
над мещанством,
живут у корыта,
где таится липучая грязь
из отстойников мутного быта.

Я подумал о скользких глазах,
что любовь приравняли к угоде,
променяли улыбку на страх
улыбаться при ясной погоде.

Я подумал о жесткости дней,
о бесценности их и значеньи,
о движеньи вперед, что сильнее
всех побочных и встречных течений.

* * *

Как хочется порою быть похожим
на ясный день и стать таким, как все,
а еще лучше деревом пригожим
или травой в мерцающей росе.

Ходил бы рядом воздух небу равный
и улыбался ангельский ручей,
и среди них; родной и полноправный,
встречал я звуки музыки ничьей.

Но нет для слуха музыки заветной,
и разум тмит гигантский имярек,
и скрыта тайна радости бессмертной,
и я, пока, ей чуждый человек.

* * *

Провалился я тридцать три года
на печи под названием Русь,
обходила меня непогода,
не тревожила долгая грусть.

Но у сказочной жизни развязка
наступила... И стала слышной
боль — последняя русская сказка
для беспечных ее сыновей.

Слава сказке, я ночью заплакал,
словно только что правду узнал,
и сквозь слезы заокал, заакал,
закручинился, загоревал.

* * *

Деревянная изба.
Черный кот сидит на крыше,
выше — длинная труба.
Дым кудрявый еще выше.
Это видимость избы —
ее азбучная внешность.
Это видимость судьбы —
ее ровная поверхность.
На коньке не кот сидит,
а вещун с небесной кручи.
Из трубы не дым летит,
а тоска души горячей.

ОТЧИЗНЕ

Я верю тебе. Я забыл —
в твою ли позорную зрелость,
как первый мальчишеский пыл,
я вынес площадную смелость.

Смелее не скажешь: люблю!
По-прежнему, невыносимо,
в горячечном сердце терплю
твое бессердечное имя.

Но, если судьба — божий дар,
не родственная смерти и скорби,
то нежная верность — удар
по жизни, что давит и горбит.

* * *

Время не в радость и жизнь невдомек,
если в них нет справедливого гнева,
если хотел приподнять и не смог,
душу свою до всемирного дела.
Слышишь?.. Пищит от мышиной возни
чувств мимолетных, минутных страданий,
не потревожа небес и земли,
частных домов и общественных зданий.

* * *

Забудь меня, праздное тело!
Сквозь слезы и смуты души
хочу, чтобы память не пела,
хрипела о днях, что ушли.

Все в жизни рождается в хрипе,
тревожно, неясно, грешно,
в гортанном младенческом крике
почувствовав истины дно.

Привычно читая молитвы
вещам, что украсили быт,
мы липким покоем облиты,
и ум наш отвагой забыт.

Опомнись, душа человечья,
сквозь слезы, сквозь смуты явись,
взмывая над телом беспечным
в свою неоглядную высь!

* * *

Мне надоело жить с улыбкой тусклой,
с безвольным сердцем, легким и пустым,
как надоел свой взгляд с надеждой узкой
и голос свой, что дерзости постыл.

Мне надоело жить с унылой жаждой
познания дней, похожих на позор,
куда напрасно вторгнется однажды
иная жизнь искать ответный взор.

* * *

Я поклонялся тайнам красоты —
опомнился,
когда увидел рядом:
чернеют травы,
мед сочится ядом,
двоятся люди в ямах пустоты.

Трясет меня невежества озноб.
Глаза не вырвут неба из болота.
Но все равно,
для будущего кто-то
подставить должен недостойный лоб.

* * *

Дрогнул Блок, заметался Есенин,
забывая родное лицо...

Это тьма ядовитых растений
посягнула на Древо Отцов:
обступила великое Древо,
землю рвет и святое на ней,
окропив ненасытное чрево
кровной силой ослабших корней.
Неужели, как водится, снова
впереди — беспробудная даль,
беспросветного русского слова
забубенная жизнь и печаль?..

* * *

Когда клянусь — не рву рубах,
давась, земли не ем
и не топчу священный прах
традиционных тем.

Я помню жителей высот,
парнасских силачей,
что возводили звездный свод
над тьмой моих ночей.

Я помню их спокойный слог,
живую мысль и страсть,
и все, к чему я ныне смог
с надеждою припасть.

Вот почему претит изыск
безродности слепой
и жалкий скомороший визг
над ветреной толпой.

ДЕРЕВО

В густой земле ворочаются корни,
отыскивая путь к заветной влаге,
терзают грунт упрямо и упорно,
доверив риск неистовой отваге.

А наверху под тонкой кожей ствольной
взбухают вены, жилы тяжелеют...
Все дальше прах и все, что рядом тлеет,
все ближе небо, свет и ветер вольный.

Там будет пир:
парящий запах меда,
раздолье веток,
буйство крепких листьев,
пронзит простор вершинный звук мелодий,
что зарождались в легком птичьем свисте.

Пусть сушит землю долгое бездожде,
пусть задохнется небо от удушья,
в сосудах жизни вечно и надежно
бурлит раствор и зреет день грядущий.

РЫТЬЕ КОЛОДЦА

С чистым небом над черной спиною,
поклоняясь грядущему дну,
я копаю колодец... со мною
столб пространства идет в глубину.

Глубже свет — выше холм в отдаленье,
где тускнеет надежды руда,
где внезапно сверкнет утоленье
человеческой жажды труда.

* * *

Тлела жизнь, стихотворцы бубнили,
повторяясь, о том и о сем,
и в слепых повтореньях забыли
о высоком призванье своем.

Потому непонятно и дико —
без привычных и ясных имен
слышим вдруг над собою великий
нарастающий гул всех времен.

Что ж, возьмемся за «веди» и «буки»,
если голос высокий возник,
и явились забытые звуки,
породившие русский язык.

ВИНА

Я виноват, что унизил свободу и волю,
в том, что труха оттесняет живое зерно,
тощее стадо плетется по голому полю,
память народа беспечно роняет звено...

Я виноват, что у правды в ходу междометья,
а у неправды в закланье святые слова,
в том, что держава обыденно и незаметно
подростеряла на нежное имя права.

Где же истоки земной упреждающей силы
цивилизованной скуке и дикой гульбе?
Мечутся мысли растерянно-невыносимы...
Так виновато опять говорю о себе.

* * *

Научусь восхищенно молчать
перед зрелищной радостью века,
а на слово поставлю печать,
как на глупую блажь человека.

Что поделаешь, слово — не храм,
разрушается слишком заметно
по вине создавших... А там
может вовсе пропасть безответно.

Кто же вспомнит, что высылось здесь,
будь то зрелища, люди иль храмы,
если слово исчезнет, как весть
и свидетель сегодняшней драмы?..

* * *

Кто сроднится с пылающим днем
и пойдет, как вопрос за ответом,
даже страшно подумать «за светом»,
потому что страшней «за огнем»..?

Спи, душа. Далеки голоса
обманувших себя и природу,
вырубая тебя, как леса,
оскверняя, как чистую воду.

* * *

А что мне пропеть о родимой земле?..
Да разве споешь на горячей золе,
когда на глазах прометеев огонь
рождает чудовищ и адскую вонь.

Ни славы, ни доброго имени нет
у этих дымов, проглотивших рассвет,
у мусорных гор, у гнилых пустырей,
у речек, не видевших век пескарей.

Какие там, к черту, подробности дня,
когда я не вижу в деревне коня,
когда я не слышу в овраге ручья,
когда даже кровная память — ничья?!

* * *

Не спасут от беды и напасти
наши реки, поля и леса
ни трибуны прогресса и власти,
ни языческие голоса.

Видно, мы поспешили с ответом —
«Что же есть человек и когда
примиряется он с этим светом,
как с естественным руслом вода?»

Нет ответа у жизни без края,
если спит под вопросом душа...
А бесспорная спесь мировая
на поверку не стоит гроша.

* * *

Деревня спряталась в сугробы
и домовито скрылась в тишь,
лишь легковые, как микробы,
ползут из-под гаражных крыш.
«Ползи, зараза!» — гаркнет сладко
владелец ветреных колес,
да так, что лопнет лед достатка
у рек послевоенных слез.
Катайся, милый... Век железный
с прогрессом в ссоре без вражды:
забудет он, как скрип тележный,
престижный вой твоей езды.

* * *

Увы, нелегко отойти от соблазна
красавицы рифмы, метафоры легкой,
от мелких страстей и недоброго сглаза
кричащих глаголов тщеты недалекой.
Совсем тяжело, если мысли пригрелись
и плотно притерлись к ходульной идее
и тащат поэта в свидетели зрелищ
нахлебников слова, что вечно при деле.
Смертельно, когда перед сердцем пустыня...

* * *

На полпути к высокой цели
растут деревья и цветы
и воздух чистый и бесценный
с тобой, единственный, на ты.
Единственный, неповторимый
ты доверяешься судьбе —
природе слышимой и зримой,
да так, что кажется тебе,
что цель туманна и бесплодна,
а жизнь, рассудку вопреки,
легка, осмысленна, свободна,
как свежий ветер от реки.

ПРОЦЕСС

Смели, сломали, развинтили,
взорвали, вытрясли, сожгли,
инстинкты древние развили
и мастодонтов развели...
Очнулись. Мысли разогнули.
Сложили головы в былом.
В провалы памяти взглянули,
пытаясь строить новый дом.
И вот в тревогах созиданья
пространство темное встает —
и не хватает подсознанья,
и знания недостает.

А. БЛОК. ПЕЙЗАЖ 1917 ГОДА

Дым отечества... Ветер. Береза.
Полумрак. Полудождь. Полуснег.
Бесконечно-равнинная проза
дня, которому имени нет.
Только в сердце, восставшем из дыма,
полумрак изгоняется в свет...
Это вспыхнуло новое имя
дня поэзии Родины — снег.

СЛОВО

Придет, иль грядет, иль взойдет
и, став для привычного ядом,
бесплодное дело убьет
и все прораставшее рядом.

Явление слова — завет
в любое пространство и время,
где мысли пронзительный свет
для жизни — счастливое бремя.

* * *

Болтаются в воздухе груды металла.
Ползет по земле холод каменных льдин.
Стенанья Сизифа и муки Танта
познал человек, — и один на один
с тишайшей волной заповедного звука
он слышит, как полнится утренний лес
сверхновой слезой, что не видит наука
всевидящим оком радарных небес.

ОНА

Когда придет из новых дней,
забудет жизнь совсем иуду,
вражду и зависть... Все о ней
я предугадывать не буду.
Ведь каждый это понимал,
когда она дышала близко,
но голоса не поднимал
в кругу молчания и писка.

* * *

Завтра вплетут мне без жалости
каждое лыко в строку.

Нет беспощаднее зависти
на огородном суку.

Каркает птица приметная,
вечный пророк пустоты...

Катится эхо ответное
от беспроглядной тщеты.

Но все равно прорывается
в странном, как жизнь, неглиже
истина, что называется
или назвалась уже...

* * *

Внизу, в воде, качался лес.
На темном склоне пахло глиной.
Взлетал на воздух лунный блеск
какой-то рыбы исполинской.

К моим ногам, как будто звал,
шли, разговаривая, волны.
И я, прощаясь, понимал
язык реки немногословный...

И, может быть, придут ко мне
из глубины души впервые
слова, стоявшие на дне,
как будто рыбы золотые.

* * *

В памяти давнего детства
зрелости вижу исход.
Дай же тобой наглядеться,
мой беззакатный восход...
Вижу, как роща за домом
сбросила зимний узор,
тихо, легко и знакомо
льются туманы с озер.
Видятся мутные стекла,
слышатся скрипы крыльца.
Над подоконником теплым
чудится пенье скворца.
Что возвратишь ты мне, детство,
что не вернешь никогда?..
Дай же тобой наглядеться,
память моя, навсегда!

* * *

Я помню желтые овины,
я помню белые снега,
как тихо, сказочно и длинно
звенела в сумерках пурга.

О детство!
Различаю дали
твоих просторов...
Где вы, чьи
те пустыри, где мы играли,
те буквари, что мы прочли?

Твою печаль, любовь и жалость
я вспоминаю, чуть дыша.
Во мне живет, во мне осталась
твоя наивная душа.

И эту нежность к дорогому
не растерять и не забыть,
и не отдать ее другому,
и никогда не разлюбить.

БЫЛЬ

Мужики взмахнули топорами...
Пыльный смерч пронесся над полями.
Стаял снег быстрее, чем в прошлый век.
Берега повысились у рек.

Мужики ударили в стамески...
Поредели стройные подлески.
Удивленной птицы вымер голос.
От безводья выродился колос.

С тишиной, похожей на руины,
хороши российские равнины.

* * *

Утильная земля
и воздух аммиачный,
кислотные дожди,
прокисшая среда,
а по утрам в среде,
как допинг, дым табачный,
зеленая в стакане
то водка, то вода.

Мужайся, царь и бог,
венец всех мирозданий,
цветными децибелами
глуши дебильный быт —
тебя найдет всегда
во тьме насущных знаний
по радиоактивности
вселенский следопыт.

ПАМЯТНИК

У высокой бетонной межи,
разделяющей стили строений,
появился чугунный мужик,
может пахарь, а может быть, гений.
Он — венец легендарной молве:
из далекого прошлого родом,
он ходил по зеленой траве
и дышал голубым кислородом.

Старый век рассказывает сказки
об ушедшей юности, как быль.

Кажется, что можно без опаски
трогать историческую пыль...

Но встает жестокое пространство
между тьмой и темными людьми,
беспощадно, губительно и страстно
указуя в радостные дни.

И встают проклятые вопросы,
наступая больно на мозоль...

И съедают язвы и коросты
чистоту и праведную боль.

Лучше-ка послушаю я деда —
как гостил он, связанный, у крыс,
как тоску предсмертную изведal
и зубами узел перегрыз.

* * *

Сентиментальна любовь, как былое.
Дерзкая молодость, время лихое,
не совмещаясь, остались в былом...
Доброму молодцу все поделом.
Светлым ли словом пробьется к народу,
иль заглядится в смертельную воду —
всюду столетние волны-круги,
лики торжественны, взгляды строги.
То ли былое надеждой питает,
то ли грядущее в чем-то пытается
душу смятенную... Это тиски
сентиментальной любовной тоски.

* * *

Где-то здесь, вторя ветру и лесу,
мы сошлись со случайных сторон
и ушли под ночную завесу,
и пропали, как утренний сон.

Пропадали мы, словно иголки
в шелестящих от ветра стогах,
за сто верст от беды и размолвки,
от небесной любви в двух шагах.

Почему же один пропадаю,
сделав шаг к неземным голосам,
на земле, где печально гадаю
о любви, что накликал я сам?

* * *

Вот и все. Наконец наступила развязка нашей странной любви... Я о чем говорю! Разве это любовь, если жалкая маска нерастрченных чувств прикрывает игру? Разве это любовь, если нежная мука нас сближает на время, а следом опять по углам отчуждения слоняется скука и навстречу глазам головы не поднять?

* * *

Ты опустишься ниже и ниже,
я все ниже и ниже сойду...
Скажешь ты: я оттуда не вижу.
Я скажу: я оттуда не жду.

И не будет тоски для утраты,
как не будет слезы для прикрас —
ведь любовь, что страшнее расплаты,
так редка, что не знает о нас.

* * *

Счастливой девочкой была,
наивной, ветреной, веселой.
Столкнулась с горем — поняла...
И стала женщиной суровой.

Взойдет ли утро на крыльцо,
иль светлый день пойдет на убыль,
я вижу хмурое лицо
и жестко сдвинутые губы.

Как больно ей беду скрывать
у трудной жизни на примете.
Как горько мне подозревать,
что счастье есть на белом свете.

* * *

Расстались. Нас жизнь не рассудит
в награду за позднюю грусть.
Что было, что стало, что будет
я знаю давно наизусть.

Ты выплачешь зыбкую долю,
ступив за поклонный порог,
я встречу железную волю
немилосердных дорог.

Но в жизни тяжелой, нескладной,
где силу душа обрела,
была моя даль неоглядной,
как ты ненаглядной была.

* * *

Юность кончилась.
Подорожала
жизнь, как мысль на пределе ума,
ближе к сердцу придвинулась,
сжала, —
стала мыслью и сердцем сама.

Не поэт, не пророк, не предтеча,
не предвестник грядущих времен,
я смиряюсь судьбой человеческой
с тем, что жив, и любим, и влюблен.

* * *

Любил я в юности легко,
легко смотрел на жизнь глазами,
а, если плакал — далеко
не настоящими слезами.

И только там, у глубины
неясных чувств и смутных истин
я плакал горько без вины
и трудно жил, и трудно мыслил.

* * *

Не пишу я любовных стихов,
потому что они — позолота,
слабый оттиск огня, позевота
от расхожих, как юность, грехов.

Если все же являлась Она,
то, увы, не в фате подвенечной.
С бледным слогом и рифмой увечной
не сидел я всю ночь у окна...

Но, лишая разгульный язык
лицедейских привычек иуды,
полюбил я страдальческий лик,
что во храмах святится, как чудо.

НОЧНОЙ СМОТР

Я дверь взломал в ночной звездоворот...
И появились, предвещая нечто,
дыра, звезда, нездешний черный кот,
что из нормальных выписан навечно.

Я почитаю случай неземной,
я доверяю сказочным приметам,
когда дыра зияет предо мной
и черный кот, естественно, при этом.

Да будет страшной дьявольская ночь
для всех, уснувших тихо на постели!
Нездешний кот меня уводит прочь
через дыру от сонной канители.

Итак, хвала:

хвала дыре повсюду и везде,
хвала моей звезде,
хвала коту с небесными глазами,
где брезжит новь неведомая нами!

ВЫБОР

Выбирают дорогу на суше
беглый взгляд и стоячие уши,
острый нюх и сверхпамять инстинкта —
баснословные силы реликта.

Выбирает дорогу в пространстве
только разум в союзе и братстве
с той судьбой, что всегда роковая,
с той мечтой, что почти мировая.

* * *

Живу один в пространстве темном,
где неизвестность — бред и страх,
где мысль дрожащим эмбрионом
едва присутствует в мирах.

Но в том, что проблеск мысли бедной
возник во мне, а не во мгле,
не поклянусь живою бездной
пустым вершинам на земле.

ВЗГЛЯД

К пустоте подниму я ладони
или к небу — не все ли равно:
не яснее уходит в бездонье
гул ночного пространства... Темно.

Так на дне океана, в глубинах,
что-то вспомнив о высших мирах,
слыша гул в запредельных турбинах,
все живое пугается... Мрак.

ОДНАЖДЫ

...И тягостными станут жизни свод
и темная судьба людей — когда
безумие в наш гордый ум войдет
из мертвого пространства без следа.

Но трудно верить в тот жестокий век,
не верится в ту сумрачную суть,
где неосмыслен будет человек,
бессмыслен человеческий наш путь.

* * *

Две области — сияния и тьмы —
Исследовать равно стремимся мы.

Е. Баратынский

Не измерить привычным аршином
расстоянье от света до тьмы,
где видением несокрушимым
появляемся медленно мы.

Потому так зовет и смущает
все, что брезжит оттуда и там,
где пока пустоту предвещает
неизвестность известная нам.

Что ж, рискну, как душа перед телом,
и по вольному вдоху груди
поднимусь к самым темным пределам
с ясной верой, что все впереди.

Но предельно пустынна свобода,
непонятно стремленье мое
тем, кто ясное имя Природа
вечно путает с жизнью ее.

* * *

Небесный свет перерождает воздух...

А. Кольцов

С необъятных равнин бытия
поднимается разум высокий
для приниженной мысли жестокий,
как для жизни приниженной я.

Поднимайся, мужайся, иди...
Много в мире глубин неприступных,
много темных дорог на распутьях
и безвестных пространств впереди.

Дай же свет своему бытию.
И приму я, как ветер площадный,
отчуждение, смех беспощадный
и родную жестокость твою.

* * *

И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Ф. И. Тютчев

Своя печаль у инобытия:
о разуме зачисленном в пророки
инертной жизнью, вынужденной в сроки
засеивать пределы и края...

Пророчь сама летальный ход утрат
голодных чувств и сытых впечатлений.
А разум... Он всего лишь добрый брат,
но, слава богу, твой недобрый гений.

Давно глядит он смерти не в лицо,
а сквозь лицо с размахом исполина
и стал живым подобием нейтрино,
проткнувшего вселенское Кольцо.

А ты официально, не тайком,
гордись цивилизованным познанием,
насущным счастьем, зрелищным страданием,
замысленным до скорби тростником.

СОДЕРЖАНИЕ

«Здесь, где любви и тепла колыбель...»	5
«Когда в душе глубокий беспорядок...»	6
Отсутствие	7
«Благословенна мысль...»	8
«Мистика — не освещение хлеба...»	9
«Среди сценических затей...»	10
«Я подумал о тех, кто, смеясь...»	11
«Как хочется порою быть похожим...»	12
«Провалился я тридцать три года...»	13
«Деревянная изба...»	14
Отчизне	15
«Время не в радость и жизнь невдомек...»	16
«Забудь меня, праздное тело!...»	17
«Мне надоело жить с улыбкой тусклой...»	18
«Я поклонялся тайнам красоты...»	19
«Дрогнул Блок, заметался Есенин...»	20
«Когда клянусь — не рву рубах...»	21
Дерево	22
Рытье колодца	23
«Тлела жизнь, стихотворцы бубнили...»	24
Вина	25
«Научусь восхищенно молчать...»	26
«Кто сроднится с пылающим днем...»	27
«А что мне пропеть о родимой земле?...»	28
«Не спасут от беды и напасти...»	29

«Деревня спряталась в сугробы...»	30
«Увы, нелегко отойти от соблазна...»	31
«На полпути к высокой цели...»	32
Процесс	33
А. Блок. Пейзаж 1917 года	34
Слово	35
«Болтаются в воздухе груды металла...»	36
Она	37
«Завтра вплетут мне без жалости...»	38
«Внизу, в воде, качался лес...»	39
«В памяти давнего детства...»	40
«Я помню желтые овины...»	41
Быль	42
«Утильная земля...»	43
Памятник	44
«Старый век рассказывает сказки...»	45
«Сентиментальна любовь, как бывшее...»	46
«Где-то здесь, вторя ветру и лесу...»	47
«Вот и все...»	48
«Ты опустишься ниже и ниже...»	49
«Счастливой девочкой была...»	50
«Расстались. Нас жизнь не рассудит...»	51
«Юность кончилась...»	52
«Любил я в юности легко...»	53
«Не пишу я любовных стихов...»	54
Ночной смотр	55
Выбор	56
«Живу один в пространстве темном...»	57
Взгляд	58
Однажды	59
«Не измерить привычным аршином...»	60
«С необъятных равнин бытия...»	61
«Своя печаль у инобытия...»	62

Литературно-художественное издание

Ковшов Валерий Васильевич

Оглянись вперед

стихотворения

Редактор **В. Ф. Матвеев**

Художник **В. П. Кравчук**

Технический редактор **Г. Н. Манохина**

Сдано в набор 10. 11. 92 г. Подписано к печати 10. 02. 93 г. Формат 60×84 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,92. Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 1200 экз. Заказ 207. Цена договорная.

Издательство «Кузнецкая крепость»,

654007, г. Новокузнецк,

пр-кт Кузнецкстроевский, 1.

Редакция,

650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40.

Типография УВД.

000003

«КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ»

КЕМЕРОВО

Одобрено в издании 10.11.52 г. Издательство «Кузнецкая крепость»
10000 экз. Цена 60 коп. Формат 64x90 мм. Печать 1952 г.
Издательство «Кузнецкая крепость»
Кемерово, Советский пр-д, 10
Телефон 411